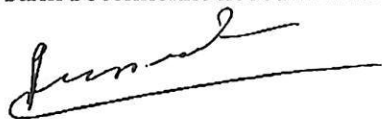

сударства и общества, статьи по истории фундаментальных проблем науки и внедрения ее достижений в практику позволяют еще раз напомнить: всем, чего человечество достигло с момента Великой научной революции Нового времени, оно обязано прежде всего достижениям науки. И здесь желательнее больше внимания уделять когнитивной, интеллектуальной истории науки, ибо, как говорили создатели современной физики, история науки — это не столько драма людей, сколько драма идей и концепций. Найти баланс между когнитивной и социальной историей науки, по моему мнению, — важная задача, которую, бесспорно, придется решать редколлегии журнала после юбилейных торжеств.

В раздел «В конце номера» также обычно заглядываю и прочитываю с интересом, тем более что публикуемые там материалы носят скорее развлекательный, чем познавательный характер. Но о том, насколько нужны эти материалы для понимания истории науки в широком социально-культурном контексте, судить не берусь.

Двадцать лет, конечно, небольшой срок для академического журнала. И может показаться датой, не заслуживающей особого внимания. Но реальность такова, что большая часть времени существования журнала «Вопросы истории естествознания и техники» пришлось на наиболее трагический период в развитии отечественной науки. И в том, что число оптимистов, оставшихся верными российской науке, по-прежнему велико, определенную роль сыграли российские историки науки, авторы нашего журнала и его редколлегия.

В. Л. ГИНЗБУРГ

академик, советник РАН, Физический институт им. П. Н. Лебедева РАН

О СПЕЦИФИКЕ ВИЕТ

К сожалению, в последние годы я журнал систематически не просматриваю. Причина одна — не хватает времени, я завален литературой. Не могу охарактеризовать журнал за весь период его существования. Из довольно далекого прошлого помню лишь, что опубликовал статью в самом первом номере ВИЕТ (1980, № 1, с. 44) и был тогда возмущен очень низким уровнем редакционной работы, по крайней мере, в отношении этой статьи (оттиска у меня нет, и, насколько помню, речь идет об искажениях текста, опечатках и т.п.). Я пишу об этом, чтобы предупредить на случай каких-то переизданий, а так, конечно, — дело прошлое. Сейчас я посмотрел имеющиеся у меня 4 номера (№ 2, 1998; № 2, 1999; № 4, 1999; № 4, 2000), и никаких критических замечаний в отношении качества сделать не могу. Мою же собственную статью (2000, № 4, с. 5–14) я, конечно, прочел внимательно и констатирую, что все в полном порядке. В этом же номере я также прочел статью В. Г. Сурдина, она интересна и вполне уместна. В ВИЕТ № 4, 1999 г. меня очень заинтересовали статьи, связанные с историей УФТИ и Л. Д. Ландау. Интересный материал. В ВИЕТ № 2, 1998 г. вполне уместна и интересна подборка материалов, посвященная Г. И. Копылову.

Специфика ВИЕТ очевидна и, если можно так выразиться, вполне уместна (она, собственно, отражена уже в названии журнала).

Журналу и его сотрудникам желаю, естественно, успешного продолжения работы. Кстати, как мне кажется, нужно указывать дату поступления материалов

(по крайней мере, статей) в редакцию. Правильно было бы перейти на издание 6 номеров, а потом, быть может, и 12 номеров в год.

Перед наукой в России сейчас очень остро стоит задача борьбы с лженаукой и защиты подлинной науки от всяких жуликов и шарлатанов. Об этом я кратко упомянул даже в конце моей статьи в ВИЕТ (2000, № 4, с. 13–14). Чтобы не писать об этом подробнее, прилагаю текст моего выступления на расширенном заседании Президиума РАН 27 марта 2001 г. (этот текст будет опубликован в «Вестнике РАН»). Ясно, что ВИЕТ сам бог велит активно работать в этом направлении.

В системе образования история науки несомненно должна занимать видное место. Это очевидно. К сожалению, в советские времена изложение истории и, в частности, истории науки было окрашено в псевдопатриотические тона («Россия — родина слонов» и тому подобные шутки появились именно по этой причине). Необъективное изложение истории науки приносит большой вред, особенно чувствительна к этому молодежь. Нужна правда и еще раз правда, а не вранье под видом защиты отечественной науки и ее приоритета. Другими словами, защищать и пропагандировать отечественную науку нужно и полезно, но не путем совершенно контрпродуктивного искажения правды.

Б. С. СОКОЛОВ
академик, советник РАН,
советник-консультант Палеонтологического института РАН

УНИКАЛЬНОСТЬ ВИЕТ

Мой интерес к этому изданию возник задолго до того, как оно получило статус регулярно выходящего журнала; тогда оно имело вид сборников разнообразных материалов по истории науки и техники, выпускаемых Институтом истории естествознания и техники Академии наук нашей страны. (Я сознательно не пишу РАН, так как другой академии наук ни в России, ни в СССР не было и нет.) Замечательно, что сохранилась преемственность в названии и стиле издания, а поэтому вызывает некоторое недоумение указание, что журнал «издается с января 1980 года». Я пользуюсь этим изданием многие годы, а с 1987 г. нашел необходимым иметь его полные годовые комплекты в своей личной библиотеке.

Среди 16 научных русских и зарубежных журналов, которые я получаю постоянно (до 1991 г. получал вдвое больше), в ВИЕТ все чаще нахожу наиболее интересную мне информацию. Объясняется это тем, что в близких мне науках о Земле и жизни я много узнаю в живом общении, а как исследователя, меня все больше привлекает история науки и личности в науке, что и составляет сердцевину журнала. Приближается к нему из наших журналов только теперешний «Вестник РАН». ВИЕТ привлекателен своей всеохватностью, высоким профессионализмом авторов статей и редакционного коллектива (вовсе не парадного, как во многих журналах!), чутким пониманием взыскательных суждений читателей совершенно определенного круга. Затрудняюсь назвать какие-либо заметные недочеты в журнале, хотя от мелких недоразумений ни один журнал не застрахован. Могу и в данном случае отметить, что, например, еще в сборнике «Вопросы истории естество-